

ОПЫТНО-ГЕРОИЧЕСКИЙ ТЕАТР.

„Жакерия“.

Группа аристократов.

Рис. костюм. Б. Эрдмана.

ственик, которому приходилось иметь довольно много дела со сценой: он очень высокого мнения о Вашей драме, но считал ее совершенно непригодной для постановки на сцене из-за длинных речей, при которых только одному актеру есть что делать, а другие принуждены будут без конца измучиться в ожидании, чтобы не торчать в положении статистов. Два последних акта доказывают в достаточной мере, что Вы умеете быстро и живо вести диалог и так как, за исключением нескольких сцен (что бывает во всякой драме), мне кажется, то же самое возможно и в первых трех актах, то я не сомневаюсь, что в обработке для сцены Вы будете считаться с этим обстоятельством».

Об этом же, касаясь другого вопроса (о перенесении центра тяжести пьесы на представлятелей крестьян и революционных элементов в городах), Маркс пишет: «Тогда тебе пришлось бы повольно бодро черпать вдохновения у Шекспира, а не следовать по стопам Шиллера, с его превращением индивидуума в простое рупоры духа эпохи, что я тебе вменяю в наибольшую вину». Отмечая слабость в описании характеров, он еще раз подчеркивает: «В частности, я должен местами осудить чрезмерное рефлектирование персонажей о самих себе, что происходит от твоего пристрастия к Шиллеру». Очевидно, и Энгельс считает Шекспира величайшим мастером сцены. О нем он упоминает несколько раз, при чем один раз также противопоставляя его Шиллеру. Одно из этих мест мы приводим, потому что оно вообще является в высшей степени характерным:

...«Полюбовавшись большой идейной глубиной, осознанного исторического содержания, которое Вы не без основания приписываете немецкой драме, с Шекспировской живостью и насы-

щенностью действия будет достигнуто, пожалуй, только в будущем, быть может и не немцами. В этом смысле и я усматриваю грядущее драмы» (подчеркнуто нами)...

Покончив с вопросами формы, оба, и Маркс, и Энгельс, переходят к историческому разбору пьесы. Здесь оба указывают на один момент, в значительной мере ослабляющий ценность драмы: отсутствие должного внимания к массовому движению. «Знатные представители революции,—пишет К. Маркс,—а за их лозунгами единства и свободы все еще гаятся мечта о старой императорской власти и кулачной правде—не должны были в такой степени, как у тебя остановить на себе все внимание, а представители крестьян (в особенности) и революционных элементов в городах должны были образовать очень важный действительный фон пьесы. Ты мог бы тогда ввести в гораздо большей степени современные идеи в чистейшей их форме, между тем как в действительности теперь, кроме религиозной свободы, главной идеей остается буржуазное единство».

Энгельс, развивая ту же мысль, показывает, как такое упущение приводит Лассала к искажению всей перспективы и даже печальной трактовке личной трагедии Зикингера. «Такое пренебрежение крестьянским движением,—пишет он,—привело Вас как раз и к неверному изображению дворянского национального движения, в одной его части, при чем от Вас ускользнул и действительно трагический элемент в судьбе Зикингера. По моему мнению масса служилого дворянства того времени не помышляла о союзе с крестьянами: этого не допускала зависимость его от доходов, получаемых от эксплуатации крестьян. Скорее был бы возможен союз с

гиродами, но и он не осуществился, или лишь очень частично. Но успех национальной дворянской революции был возможен лишь при союзе с городами и крестьянами, особенно с последними. И по моему мнению трагический момент как раз и заключается в том, что это основное условие, союз с крестьянами, было невозможно, что поэтому политика дворянства должна была неизбежно быть мелкою, что в тот самый момент, когда оно хотело стать во главе национального движения, масса нации, крестьяне, протестовали против его руководства, и оно необходимо должно было пасть».

Неправильная оценка исторического соотношения сил дает не только фактическое искажение, отступление от исторической правды. Это Энгельс считает для автора вполне возможным. Так, например, он не возражает против того, что Лассаль приписывал Зикингеру и Гуттену мысль об освобождении крестьян. Энгельс подчеркивает лишь, что такое толкование неизбежно приводит к умалчанию всей трагедии: «Устраняя этот момент,—говорит Энгельс,—Вы умалчиваете размах трагического конфликта: у Вас Зикингер вступает в союз с одним только князем, а не с императором и государством (хотя и тут Вы с верным тактом вводите крестьян), и погибает просто благодаря равнодушию и трусости дворянства, но мотивировка была бы совершенно иная, если бы уже раньше были сильнее подчеркнуты бурное крестьянское движение и безусловное поправление дворянства под влиянием прежних Союзов Башмака и Бедного Князя».

Правильность анализа и исходных точек зрения приводят к Марксу, и Энгельса к одинаковой оценке драмы Лассала и ее слабых моментов, заключающихся именно в несознательности исторического содержания, что отражается как на идейной глубине, так и на формальной ценности.

В заключение стоит отметить ту добросовестность, с которой отнеслись к Марксу, и Энгельсу к критикуемой драме. Энгельс, например, чтобы достигнуть совершенно беспристрастного, совершенно «критического» отношения, прочел драму Лассала четыре раза. Многие из современных критиков, претендуя на авторитетность своего мнения, берут на себя труд прочесть критикуемую вещь внимательно, хотя бы один раз?

Б.

ОПЫТНО-ГЕРОИЧЕСКИЙ ТЕАТР.

„Жакерия“.

Группа монахов

Рис. костюм. Б. Эрдмана.